

УДК: 159.9

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ТРЕВОЖНЫХ СОСТОЯНИЯХ ЛИЧНОСТИ. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СХЕМЫ

Соболев И.М

Российский Новый Университет

Аннотация

В статье рассматриваются особенности восприятия пространственно-временных отношений при тревожных состояниях личности. Вопрос о переживании времени, активно исследовался в философии 20 века. Идеи таких философов, как М. Хайдеггер, Э. Гуссерль и А. Бергсон, повлияли на исследователей в области психологии и психиатрии. В частности, Э. Минковский, представитель феноменологической школы психиатрии, изучал специфику переживания времени и пространства людьми, страдающими различными типами психических заболеваний. В отечественной школе психологии (К.А. Абульханова-Славская, Н.Ю. Григоровская, В.И. Ковалев и др.) проведенные исследования выявили основные типы реагирования в различных временных режимах деятельности. Но, несмотря на существенные открытия, связь между пространственно-временными отношениями и переживаемыми эмоциями до сих пор недостаточно прояснена. В данной статье на примере тревожных состояний личности демонстрируются возможные направления дальнейшего исследования, в том числе направленного на поддержание диалога между клиническими дисциплинами и общепсихологической практикой.

Ключевые слова

Пространственно-временные отношения, психологическое время, хронотоп, тревожные состояния, эмоциональная схема.

Введение

В границах клинического подхода существует довольно много научной литературы, посвященной проблеме восприятия пространства и времени при различных психопатологических состояниях, однако практически отсутствуют общепсихологические решения, предполагающие определенную категориальную рамку. Отмечается разрыв между клиническими представлениями и тем, что содержится в категориальном аппарате общей психологии. В статье впервые ставится вопрос о динамике пространственно-временных характеристик при тревожных состояниях в рамках общепсихологических концепций. Предполагается, что при тревожных состояниях личности меняется образ мира, о чем свидетельствует трансформация временной перспективы и пространства переживаемых событий.

Обзор литературы

В когнитивно-поведенческом подходе на протяжении последних двух десятилетий отмечалось отчетливое смещение акцента к исследованию эмоциональной жизни человека. Одним из направлений данных исследований можно назвать терапию эмоциональных схем (ТЭС) Роберта Лихи. Он указывает, что в традиционной когнитивной модели А. Бека эмоция частично обусловлена оценкой ситуации или стресс-фактора, с которыми сталкивается индивид [1].

Данная модель предполагает, что когнитивные схемы могут формировать или поддерживать определенный эмоциональный опыт. Это включает в себя автоматические мысли, промежуточные убеждения, а также глубинные убеждения или схемы о себе и других людях. Р. Лихи соглашается с тем, что болезненные эмоции могут возникать как результат подобных оценок или конструкций и поддерживаться ими. Но наряду с этим он настаивает на том, что сам опыт переживания эмоции определенным образом оценивается и интерпретируется индивидом. Именно такие оценки эмоций, а также реакции на само их возникновение Р. Лихи и называет «эмоциональными схемами». Он подчеркивает, что ТЭС является социальной когнитивной моделью теории эмоций. В этой модели предполагается, что существуют различные аспекты и стратегии, которые индивиды используют для оценки и интерпретации собственных эмоций, а также реакции на них. Это включает саму оценку эмоции и копинг-стратегии, такие как подавление, избегание, обвинение и руминация [1].

При всей актуальности и практической значимости, разрабатываемой модели эмоциональной схемы в современном когнитивно-поведенческом подходе, исследованиям не хватает акцента на ее пространственно-временном аспекте. Попробуем подойти к этому с нескольких сторон.

Обратимся к представлениям А.А. Ухтомского о хронотопе, во многом сложившихся под влиянием идей А. Эйнштейна, А. Пуанкаре, Г. Минковского и др. Ухтомский так оценивал произошедшую на его глазах революцию в физике: «...что более определенно и незабываемо в науке, чем механика? Но Минковский и Эйнштейн переинтегрировали самые коренные ее представления. И наиболее дерзновенное предсказание Эйнштейна состоит в том, что сам человеческий опыт, его основные интегральные образы и физиологическое восприятие форм могут быть изменены и преобразованы согласно с новыми концепциями пространства и времени». Цельность пространства и времени Ухтомский определяет как хронотоп. Пространство и время образуют целое, не существуют отдельно друг от друга [2].

В своем докладе 1925 года Ухтомский указывает: «Мы живем в хронотопе. *Законы его инвариантны лишь при условии, что существует максимальная скорость распространения влияний = скорость света. Если вообще существует безотносительная, инвариантная величина, то это интервал в хронотопе, интервал между событиями*» (курсив автора) [3]. Иными словами, если мы живем во времени, то с неизбежностью вынуждены допускать множественную детерминацию того или иного события, а также относительность оценки его значения. Идеи А.А. Ухтомского как нельзя более созвучны нашему будущему исследованию. В ходе дальнейшего изложения будет описано своеобразие восприятия времени и пространства при тревожных состояниях личности, понимаемых как события и иллюстрирующих представления о хронотопе. Оставляем открытым вопрос о прочтении хронотопа как неотъемлемой части любого эмоционального переживания.

Теперь рассмотрим основные результаты, полученные отечественными психологами, которые занимались личностной организацией времени (К. А. Абульханова-Славская, Н.Ю. Григоровская, О.В. Кузьмина и др.). Как указывает Н.Ю. Григоровская в своей диссертационной работе, в рамках данного подхода ведутся многолетние теоретико-эмпирические исследования, вовлекающие в изучение все более широкий спектр временных параметров, выявляющих отношение людей ко времени и влияющих на его организацию. Через понятие трансспективы В.И. Ковалев предложил подход, вскрывающий единство прошлого, настоящего и будущего, а также впервые в отечественной психологии представил типологию личностной организации времени.

Л.Ю. Кублицкене выявила связь осознания, переживания и практической организации времени в разных режимах деятельности у разных типов личности, а В.Ф. Серенкова – соотношение осознания и планирования, неоднозначную связь настоящего и будущего времен. О.В. Кузьмина интегрировала в своей исследовательской модели рефлекссию, переживание и практическую организацию времени, включив в нее обычно обособленное исследуемое восприятие времени. Проблема соотношения осознанной (рационально обоснованной) организации времени с неосознаваемыми (иррациональными) механизмами изучалась Т.Н. Березиной [4].

В вышеуказанных исследованиях акцент преимущественно сделан на реализации потенциала личности в ее целостном отношении к миру, включающем пространственно-временное измерение. В частности, Н.Ю. Григоровская изучает целостную временную структуру субъекта и выявляет типологию в соответствии с особенностями переживания объективного и психологического времени. Она делает вывод, что в зависимости от уровня развития временных способностей можно выделить три типа, различающихся восприятием, переживанием времени, характеристиками бессознательной сферы и способом организации своей жизнедеятельности – типы отличаются отношением ко времени и особенностями самореализации.

Первый тип трактует время как «объективно» заданный фактор, направляющий существование, его особые состояния связаны с дихотомией быстро/медленно, с квантованием времени на периоды и события. Стратегии реализации в основном конвергентные, что отражается в особенностях транспективы и графических рисунках. Образный вербальный материал не отличается особым разнообразием, «легкостью».

Второй тип обладает более свободным восприятием времени, без жесткой фиксации на его «объектном» полюсе, чувствителен к возможностям, предоставляемым временем, осознает, что им можно управлять. Тип в целом потенциален, способен к развитию, изменчивости, ему доступны различные дихотомии, разнонаправленные вектора времени. Преимущественно дивергентные способы планирования находят свое выражение в графическом и вербальном образном материале («поток», спирали).

Третий тип имеет субъективную метрику времени, внутренний опыт и восприятие времени различны и зависят от состояния сознания, высока временная рефлексия. Стратегии реализации разнообразны, сочетающие гибкость и целенаправленность. Образный материал многопланов, оригинален и менее «размыт» (в сравнении со вторым) [5].

Учитывая выводы Н.Ю. Григоровской и других отечественных исследователей, мы все же поставим вопрос немного иначе: можно ли выявить специфику пространственно-временных отношений «внутри» каждой из эмоциональных схем в понимании Р. Лихи то есть, рассматривать не темпоральные структуры личности, а особенности восприятия пространственно-временного континуума в определенной, особым образом переживаемой жизненной ситуации, и наоборот, возможное влияние этих особенностей на характер эмоционального отклика. Иными словами, мы предполагаем реципрокные отношения между пространственно-временными структурами самосознания и интенсивностью переживаемых эмоций в конкретных обстоятельствах.

Эмоциональная схема в первую очередь представляет собой сочетание когнитивного и эмоционального аспектов, которые друг друга обуславливают. В соответствии с идеями Р. Лихи эмоциональная схема помимо указанных выше аспектов «содержит» интерпретативный аспект, то есть, своего рода истолкование субъектом переживаемых им эмоций. Добавим к этому копинг-стратегию, выбираемую субъектом в соответствии с интерпретацией переживаемого опыта. Иными словами, эмоциональная схема – это сложный паттерн реагирования, отражающий особенности восприятия субъектом той или иной жизненной ситуации. Используя терминологию И. Матте-Бланко, можно сказать, что речь о кванте мысли-эмоции [6].

Пространственно-временные отношения в практике психологического консультирования

Попробуем сформулировать первое допущение: предположим, что кроме всех вышеуказанных аспектов эмоциональная схема содержит некий пространственно-временной аспект. Говоря иначе, любое переживание эмоции протекает в пространственно-временном континууме. Утверждение выглядит банальным, но не стоит торопиться. Если присмотреться к различным формам нашего эмоционального реагирования, легко обнаружить, что в переживании эмоционально значимой ситуации восприятие пространства и времени могут заметно варьировать. Далее возникает ряд существенных вопросов.

Вопрос первый: зависят ли особенности восприятия пространственно-временных координат от интенсивности переживаемой эмоции? Вопрос второй: может ли специфика восприятия

пространства и времени, напротив, усиливать эмоциональные процессы? Вопрос третий: касается ли это всех эмоций, которые мы способны различать? Вопрос четвертый: можем ли мы считать особенности восприятия пространственно-временного континуума неотъемлемой частью эмоциональной схемы или это всего лишь ситуативный эффект?

Для того, чтобы ответить на сформулированные вопросы, постараемся сузить фокус рассмотрения. Возьмем в качестве отправной точки тревогу, временно оставив вопрос о других эмоциях в стороне. Рассмотрим различные виды проявлений тревоги в человеческой жизни и попробуем выяснить, играют ли какую-то роль в тревожных формах реагирования особенности восприятия пространства и времени.

Опыт наблюдений, в том числе и клинических, позволяет довольно уверенно это утверждать. Но остается вопрос: какую именно роль эти особенности играют, и может ли исследование данной темы пролить свет на взаимосвязь пространственно-временного восприятия и тревожных состояний личности, тем самым обогатив и сделав более эффективной психотерапевтическую помощь?

Начнем наше, пока еще теоретическое изыскание, с анализа нескольких ситуаций в рамках психотерапевтического процесса. Приведем их в нашей статье последовательно и попробуем уловить между ними сходства и различия.

Ситуация 1. Молодой человек на сеансе описывает свои устойчивые переживания так: «Это очень похоже на тревогу, но она какая-то необычная. Она может длиться несколько дней подряд. Она никогда не становится очень сильной, но от этого мне не легче – она мучительная. Максимально она проявляется дома. Я хожу по квартире и не знаю, куда себя деть. Вернее, я как раз знаю, чем мне заняться: мне нужно поработать, пропылесосить, но я не могу сделать ни того, ни другого. Я хожу бесцельно из комнаты в комнату, натываюсь глазами на предметы, и все они усиливают мое смутное беспокойство; мне начинает казаться, что время замирает. Потом я, все-таки, делаю усилие и сажусь за работу. Чтобы хоть немного сосредоточиться, я намеренно принимаю неудобную позу, буквально скрючиваюсь на маленьком жестком стуле, чтобы, непонятно для чего, все время ощущать физический дискомфорт».

На сеансе удастся выяснить, что дискомфорт, который сознательно вызывает у себя этот молодой человек, необходим для того, чтобы «хотя бы немного чувствовать свое тело». Оказывается, с помощью этого ему удастся немного успокоиться и сосредоточиться на рабочих задачах. Помимо этого, становится понятнее, чем обусловлена смутная тревога, которую он пытается описать. Молодой человек сообщает, что его почему-то угнетает домашнее пространство. На вопрос: что именно в этом пространстве может так угнетать, он отвечает так: «Квартира тесная, а предметов в ней слишком много. Дело совсем не в том, что меня раздражают определенные предметы; меня пугает их количество, несмотря на то, что лишних предметов среди них почти нет, а также то, что все они лежат как-то неправильно».

После обсуждения на сеансе молодой человек предпринимает попытку немного разобрать полки в коридоре, и ему, по его словам, становится намного легче. Он обращает внимание на то, что больше не чувствует необходимости скрючиваться во время работы. Не вдаваясь в подробности данного случая, отметим особенности тревожного паттерна реагирования и перейдем к следующей ситуации.

Ситуация 2. Молодой человек рассказывает о приступе типичной для него тревоги: «Мы гуляли с моей девушкой по набережной, и вдруг я почувствовал, что меня повело; мне показалось, что течение реки слева от меня может меня поглотить, потянуть за собой. Я словно уже поддался ему, ощутил, как наклоняюсь влево».

Подобные «вестибулярные кризы» не редкость при тревожных расстройствах. Складывается впечатление, что в их основе лежит изменение пространственного восприятия, иными словами у данного типа тревоги есть свое специфическое «наполнение».

Ситуация 3. Девушка описывает «паническую атаку», случившуюся в метро: «Перед приступом я начала чувствовать, что что-то не так. Сначала мне показалось, что лица у окружающих меня людей становятся одинаковыми, и все они пристально на меня смотрят. Потом стены

вагона начали на меня надвигаться. Одновременно с этим я почувствовала учащенное сердцебиение, мне стало трудно дышать. Потом случился приступ паники».

На этом примере хорошо видно, что пространственные характеристики уже вписаны в паттерн тревожного реагирования. Проблема в том, что мы не можем точно ответить на вопрос: изменения восприятия пространства – это следствие переживаемой интенсивной тревоги или наоборот, неустойчивость пространственного восприятия, в некотором смысле его недостаточная сформированность, закладывает основу для развития «панических атак»?

Ситуация 4. Молодой человек едет в другой город, чтобы там отдохнуть. В последний день, перед возвращением, он решает заехать к другу, с которым давно хотел встретиться. Приехав туда, он обращает внимание на то, что уже стемнело. Торопиться вроде некуда, но он неожиданно начинает испытывать дискомфорт, чувствует нарастающее напряжение и тревогу. Время, как ему кажется, начинает бежать очень быстро; возникает ощущение, что нужно как можно скорее ехать домой. Он понимает бессосновательность и даже иррациональность этих мыслей; понимает, что у него этого времени более, чем достаточно, но ничего не может с ними поделать. Настроение снижается, а тревога уже в машине перерастает в паническую атаку с большим количеством соматических ощущений.

На этом примере хорошо видно, как нейтральный в данной ситуации факт наступления вечера становится источником мучительного чувства; искажается восприятие психологического времени: оно резко наращивает темп, и возникает ощущение ничем не обусловленного «цейтнота», то есть, ограничительной рамки, которая тут же начинает продуцировать тревогу.

Рассмотрим случаи менее выраженной тревоги, в которых, тем не менее, пространственно-временной аспект представлен довольно отчетливо.

Ситуация 5. Девушка, склонная к навязчивостям различного плана, меняет место работы. Новый офис расположен на той же самой ветке метрополитена, только на две остановки дальше. Однако девушка по недостаточно ясным для себя причинам начинает испытывать беспокойство, связанное с привычным способом добираться до работы, и прокладывает другой, менее удобный, но психологически более комфортный для себя маршрут. В целом, для нее, характерны тревожные реакция, связанные с общественным транспортом.

В данном случае важной деталью является отсутствие соматических эквивалентов тревоги.

Ситуация 6. Девушка во время поездок в транспорте испытывает сильную тревогу. Она не принимает форму «классической» панической атаки, однако в значительной степени затрагивает физиологические функции. Девушка чувствует мучительные ложные позывы на мочеиспускание, и ей начинает казаться, что она не успеет выйти из метро и добежать до туалета.

Исследование этого случая обнаруживает типичные предикторы возникновения клаустроагорафобического комплекса, предполагающего не только замкнутость или ограниченность физического пространства, но и ощущение безвыходности любой жизненной ситуации. Пространство воспринимается как давящее, огромное; люди – как лишённые своих лиц, как «серая пугающая масса». Поиск выхода из мучительного состояния приводит девушку к мысли о создании «карты туалетов», которую она каждый раз актуализирует в сознании, чтобы хоть немного успокоиться: «до следующей точки осталось совсем немного времени». В данном случае мы наблюдаем нанесение новой разметки для того, чтобы «приручить» пространство, лишившееся своих осязаемых очертаний.

Ситуация 7. Молодая женщина, оказавшись в морально сложных для себя обстоятельствах (параллельные романтические отношения) начала жаловаться на болевые ощущения в области сердца, которые сопровождалась тревогой и тягостными мыслями о возможных последствиях. Это заставило ее обратиться за медицинской помощью и ходить по врачам в течение довольно длительного времени. Обследование не выявило никакой органической патологии.

В ходе психотерапии выяснилось, что эмоции, возникающие по поводу своего второго партнера, активно подавлялись для поддержания идеи о «несерьезности» отношений с ним.

Конвертированные в тревожно-соматические паттерны реагирования, они вынуждали девушку заниматься своим физическим здоровьем, то есть, предпринимать целый ряд последовательных шагов, позволяющих выдерживать усилившуюся тревогу.

Ситуация 8. Молодой человек описывает свое состояние, предшествующее разрыванию острой тревоги: «Иногда я выхожу на улицу и не могу удержаться от навязчивого подсчета камней, лежащих на дороге. Я начинаю считать и чувствую, как усиливается мой страх от мысли об огромном количестве этих камней и невозможности остановить счет».

Это пример иллюстрирует связь между «ощущением бесконечности» и степенью выраженности тревоги. Данное ощущение затрагивает и пространственное, и временное измерение, то есть нескончаемость дороги, на которой разбросаны камни и время, которое понадобится для полного их подсчета.

Ситуация 9. Молодой человек описывает типичную «тревогу назад» из-за не закрытой двери, не выключенной плиты и т.д.

В данных случаях тревога редко достигает уровня паники и редко сопровождается выраженными телесными ощущениями.

Ситуация 10. Молодой человек описывает тревогу, связанную с его работой. Не может долго встать утром с кровати, потом по дороге на работу испытывает мучительное беспокойство. Отмечается повышенное сердцебиение, одышка, но его состояние, тем не менее, степени полноценной «панической атаки» не достигает.

На консультации выясняется, что самым непереносимым в этой ситуации является отсутствие четких рамок рабочего времени. Со слов молодого человека, руководству не принципиально, как он распределяет рабочие часы. Соответственно, он должен делать это сам, но у него ничего не получается. Более того, ему начинает казаться, что его «рабочий день никогда не заканчивается», и именно с этим связано выраженное чувство тревоги.

На этом моменте можно остановиться и попробовать проанализировать описанные выше ситуации. Во всех приведенных случаях очевидны изменения восприятия пространственно-временных отношений (ПВО) и наличие соматических эквивалентов тревоги. Наша задача заключается в том, чтобы попробовать понять, с чем могут быть связаны степень искажения восприятия и выраженность телесных ощущений.

Предположим, что степень искажения восприятия ПВО прямо пропорциональна интенсивности тревоги и наоборот. Помимо этого, мы допустим, что более интенсивная и менее дифференцированная тревога предполагает большую представленность и, что самое главное, недифференцированность ее соматических эквивалентов. При этом важно отметить, что связь между высокой степенью представленности соматических элементов и интенсивностью тревоги не настолько прямолинейна и проста.

Сравним 3-ю и 7-ю ситуации. В обеих ситуациях мы наблюдаем значительную долю телесных ощущений. Но нельзя сказать, что в ситуации 7 тревога менее мучительна, чем в ситуации 3. Также мы не можем сказать, что эта тревога и ее соматическое сопровождение менее интенсивны. В обеих ситуациях имеет место страх смерти. Тем не менее, существенное различие между этими двумя случаями есть.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что в ситуации 7 хронотоп тревоги (если пользоваться термином А.А. Ухтомского) значительно отличается от хронотопа тревоги в ситуации 3. Тревога переживается в определенных пространственно-временных координатах. Вернее, в ситуации 7 пространственно-временной аспект эмоциональной схемы реагирования сохраняет свою осязаемость. Несмотря на тягостный в целом характер переживания, тревога здесь не диффузна, а все-таки привязана к определенным точкам пространства и времени. У молодого человека актуализировано представление о том, что последствия «возможного заболевания» сдвинуты в будущее. Также есть ощущения запаса времени, для того, чтобы получить медицинскую помощь.

Мы видим, что пространство, в котором будет решаться эта проблема тоже определенным образом структурировано: есть частные клиники, знакомые врачи, схема обследования, то есть, последовательность шагов, которые необходимо предпринять. В некотором смысле время в этой ситуации продолжает «течь», сохраняется ощущение возможного движения. Иными словами, в ситуации 7 можно говорить о динамичности хронотопа.

В ситуации 3 наблюдается совсем иная картина. Восприятие времени и пространства резко искажено. Можно говорить о том, что время останавливает свой ход, а пространство становится «плоским». Есть только «здесь и сейчас». Уменьшается размерность актуально воспринимаемой ситуации, что само по себе может определять характер переживаемой тревоги как ужаса. Степень выраженности соматических ощущений резко возрастает за счет невозможности «растягивать» соматизированную тревогу в пространственно-временных координатах. Динамичность хронотопа в данном случае минимальна.

Сравним ситуацию 1 и ситуацию 5. В обоих случаях наблюдается беспокойство, касающееся специфики восприятия пространства. Только в ситуации 1 уровень тревоги несомненно выше, чем в ситуации 5. Предположим, что это в первую очередь связано с большей пространственностью окружающего в ситуации 5: несмотря на иррациональные и смутные переживания по поводу смены маршрута, тревога более-менее переносима за счет сохраняющейся возможности подсчитать количество станций, которые в данном случае играют роль реперных точек в сознании. В ситуации 1, вопреки тому, что пространство в целом освоено, обжито и безопасно, количество предметов, не поддающихся подсчету, воспринимается как пугающе бесконечное (сравни с ситуацией 8) и порождает гораздо более интенсивную тревогу с своеобразной вовлеченностью схемы тела.

Ситуации 2 и 6 иллюстрируют типичный вариант «панической атаки», задействующей физиологические функции. В обоих случаях исчезает возможность поддерживать устойчивый образ пространственно-временных отношений в сознании. В ситуации 2 интенсивность тревоги значительно ниже, по-видимому, в силу изначально лучшей сформированности схемы тела, расположенного в пространственно-временном измерении. В ситуации 6 искусственно созданная «карта местности» не позволяла полностью справляться с сильной тревогой. В ситуации 2 создание подобной «карты» не понадобилось.

В ситуации 9 «тревога назад» обычно находится на условном среднем уровне за счет более четкой пространственно-временной организации события в сознании. Сохраняется устойчивое представление о произошедшем: где допущена возможная «ошибка», какими способами можно ее исправить (к примеру, попросить родственника зайти в квартиру и все проверить), а также какое количество времени на это понадобится.

Ситуации 8 и 10 ставят перед нами вопрос о чувстве бесконечности времени и пространства и его связи с интенсивностью переживаемой тревоги.

Заключение

Попробуем обобщить данные анализа указанных ситуаций:

1. Мы предположили, что любая эмоциональная схема или устойчивый паттерн эмоционального реагирования, помимо указанных Р. Лихи аспектов, содержит в себе и пространственно-временной аспект, то есть специфическое ощущение тела, расположенного в пространственно-временных координатах.

2. Мы сознательно остановились на тревоге, чтобы продемонстрировать это более наглядно. Но наше предположение касается также переживания и других эмоций. Мы допускаем, что указанный выше пространственно-временной аспект незаметно присутствует в печали, тоске, обиде, восторге, вдохновении и т.д.

3. Еще одно важное допущение касается особенностей каузальной связи между восприятием пространственно-временных отношений и интенсивностью испытываемой эмоции. На наш взгляд не совсем верно упрощать эту связь и сводить ее к формуле: любая сильная эмоция

влияет на восприятие ПВО. Скорее, речь идет о взаимовлиянии. Мы предполагаем, что изначально недостаточная сформированность схемы тела, располагающегося в пространственно-временных координатах, в дальнейшем может определять специфику эмоционального реагирования в целом.

4. Мы сознательно использовали примеры с проявлениями тревоги, достигающей клинического уровня, чтобы специфика восприятия ПВО проступала более отчетливо. Но в дальнейшем мы планируем исследовать данные феномены в общепсихологической перспективе. Другими словами, мы предполагаем, что пространственно-временные отношения определяют особенности тревоги любой степени выраженности.

5. Предварительный анализ приведенного выше материала показывает, что тревога, в отличие от страха, обусловленного чаще всего конкретной ситуацией, а значит и относительно четкими пространственно-временными рамками, имеет более сложную структуру и в большей степени определяется базовой сформированностью схемы тела.

6. Данные нашего анализа позволяют поставить вопрос об изменениях размерности воспринимаемого пространства-времени в различных психических состояниях, в первую очередь, тревожных состояниях личности.

7. Некоторые из приведенных случаев заставляют задуматься о связи чувства бесконечности и интенсивностью переживаемой тревоги.

8. В целях более полного раскрытия указанной выше проблематики нам представляется возможным использовать понятие хронотопа, введенное А.А. Ухтомским и указывающее на неразрывное единство пространства и времени.

9.

Библиография

1. Роберт Л. Лихи 2021.Терапия эмоциональных схем. Отличительные особенности. СПб.: ООО Диалектика. С. 33,41.
2. Политов А.В 2014. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Том 14. Выпуск 4. С. 51
3. Ухтомский А. А. 2019. Доминанта. СПб.: Питер. С. 68
4. Григоровская Н.Ю. 1999. Автореферат к диссертации. Особенности осознаваемого и неосознаваемого компонентов личностной организации времени.
5. Абульханова К.А. 2017. Время личности и ее жизненного пути. Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. Том 1. Номер 1.
6. Матте_Бланко И. 2022. Бессознательное как бесконечные множества. Москва. Издательство «Экзистенциальная лаборатория».

**THE FEATURES OF PERCEPTION OF SPATIAL-TEMPORAL RELATIONS
IN ANXIOUS STATES OF A PERSONALITY. THE SPATIAL-TEMPORAL
ASPECT OF THE EMOTIONAL SCHEME**

Sobolev I.M.

Russian New University

Abstract

The article discusses the features of perception of spatial-temporal relations in anxious states of a personality. The question of experiencing time was actively studied in 20th-century philosophy. The ideas of such philosophers as M. Heidegger, E. Husserl, and A. Bergson influenced researchers in the field of psychology and psychiatry. In particular, E. Minkowski, a representative of the phenomenological school of psychiatry, studied the specificity of experiencing time and space by people suffering from various types of mental illnesses. The researches conducted in the domestic psychology school (K.A. Abulkhanova-Slavskaya, N.Yu. Grigorovskaya, V.I. Kovalev, etc.) revealed the main types of reactions in various temporal modes of activity. However, in spite of significant discoveries, the connection between spatial-temporal relations and the emotions experienced is still insufficiently clarified. This article, by the example of anxious states of a personality, demonstrates some possible directions of further research including that aimed at maintaining a dialogue between clinical disciplines and general psychological practice.

Keywords

Spatial-temporal relations, psychological time, chronotope, anxious states, emotional scheme.